

ОБ ИЗДАНИИ «ЯЗЫКИ МИРА»

Многотомное энциклопедическое издание «Языки мира» подготавливается одноименной рабочей группой в Институте языкознания РАН в течение ряда лет. Целью издания является описание возможно большего числа естественных языков. Главная идея издания состоит в том, что описание всех языков, независимо от их генетической принадлежности и социального статуса, выполняется в сопоставимой форме, по единым стандартам. Таким образом, издание «Языки мира» формирует базу данных для любых сопоставительных и типологических исследований.

Статьи об индивидуальных языках и языковых группах написаны в соответствии с типовыми схемами (см. Приложение к настоящему тому). Статьи включают общую и социолингвистическую характеристику языков, сведения о диалектах, письменности и истории языков, внутривидовое описание фонетики, грамматики и лексики, а также основную литературу. Схемы статей являются типологически обоснованными и приложимы к языкам самых различных типов.

В перспективе нескольких ближайших лет готовятся к публикации тома, посвященные главным образом языкам Евразии. Статьи группируются в тома по генетическому принципу, а в тех случаях, когда это невозможно или неудобно, — по ареальному принципу. Ранее были опубликованы тома: «Уральские языки» (М.: Наука, 1993), «Тюркские языки» (Бишкек: Издательский дом Кыргызстан, 1997; М.: Индрик, 1997), «Палеоазиатские языки» (М.: Индрик, 1997), «Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык» (М.: Индрик, 1997), «Иранские языки. I. Юго-западные иранские языки» (М.: Индрик, 1997), «Дардские и нуристанские языки» (М.: Индрик, 1999), «Кавказские языки» (М.: Academia, 1999), «Иранские языки. II. Северо-западные иранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Иранские языки. III. Восточноиранские языки» (М.: Индрик, 2000), «Германские языки. Кельтские языки» (М.: Academia, 2000), «Романские языки» (М.: Academia, 2001), «Индоарийские языки древнего и среднего периодов» (М.: Academia, 2004), «Славянские языки» (М.: Academia, 2005 — первое издание), «Балтийские языки» (М.: Academia, 2006), «Семитские языки. Аккадский язык. Северозападносемитские языки» (М.: Academia, 2009), «Древние реликтовые языки Передней Азии» (М.: Academia, 2010), «Новые индоарийские языки» (М.: Academia, 2011), «Семитские языки. Эфиосемитские языки» (М.: Academia, 2013), «Дравидийские языки» (М.: Academia, 2013), «Реликтовые индоевропейские языки Передней и Центральной Азии» (М.: Academia, 2013), «Манде языки» (СПб.: Нестор-История, 2017).

Вслед за настоящим томом в первую очередь планируется выпуск следующих томов: «Семитские языки. Арабский язык. Южноаравийские эпиграфические языки. Современные южноаравийские языки»; «Палеоевропейские языки».

В порядке подготовки к публикации «Языков мира» ранее были изданы следующие коллективные монографии:

Принципы описания языков мира. М.: Наука, 1976.

Теоретические основы классификации языков. М.: Наука, 1980, т. 1; 1982, т. 2.

Языки и диалекты мира. М.: Наука, 1982.

Жури́нская М. А., Нови́ков А. И., Яросла́вцева Е. И. Энциклопедическое описание языков. Теоретические и прикладные аспекты. М.: Наука, 1986.

На формирование концепции «Языков мира» оказали влияние многие ученые, однако в первую очередь необходимо упомянуть вклад В. А. Виноградова, М. А. Жури́нской, В. П. Калы́гина, И. Ш. Козинского, А. А. Короле́ва, В. Я. Порхо́мовского и Я. Г. Тестельца, разработавших типовые схемы, лежащие в основе статей. Разумеется, создание томов «Языков мира» не было бы возможно без огромной творческой работы авторов, представляющих различные научные центры, города и страны, без труда редакторов и технических работников, обрабатывавших материалы томов на самых разных этапах. Всем, кто прямо или косвенно способствовал подготовке издания «Языки мира», редакционная коллегия выражает самую искреннюю признательность.

Редакционная коллегия тома и группа «Языки мира» благодарят Российский гуманитарный научный фонд (Российский фонд фундаментальных исследований) за финансовую поддержку издания.

Предисловие ко второму изданию

Выходящий повторно том многотомного энциклопедического издания «Языки мира», посвященный славянским языкам, был подготовлен в Институте языкознания РАН. Описание больших и малых славянских языков проводилось в соответствии с общими типологическими принципами, лежащими в основе издания «Языки мира».

Работа над статьями по славянским языкам началась в 1980-е гг. У истоков ее стояли такие видные слависты, как Ю. С. Маслов, А. Е. Супрун, Г. А. Хабургаев и другие. В 1997 г. основатель издания «Языки мира» В. Н. Ярцева инициировала новый этап работы над данной книгой. Была создана редколлегия тома, получен исследовательский грант РГНФ. Большинство ранее написанных статей решено было сохранить и использовать при окончательной подготовке тома к изданию. Имевшиеся в портфеле редколлегии тексты подверглись доработке и обновлению, были заказаны недостающие статьи. Работа завершилась к 2005 г. Осуществленное тогда первое издание тома отразило уровень знаний, достигнутый славистикой к началу XXI в.

Тираж книги разошелся в течение первых же двух-трех лет после ее выхода в свет, что говорит о высокой заинтересованности в ней со стороны не только специалистов. Благожелательные и в то же время конструктивно критические рецензии на нее были опубликованы в нескольких авторитетных российских и зарубежных научных изданиях: «Вопросы языкознания» (П. М. Аркадьев), «Русский язык в научном освещении» (Е. В. Шаульский), «Zeitschrift für slavische Philologie» (В. Лефельдт), «Wiener slavistisches Jahrbuch» (Э. Стадник-Хольцер), «Journal of Slavic Linguistics» (Дж. Иан Пресс), «Studies in Language» (Р. Сассекс) и др. Недоступность первого издания тома широкому кругу читателей в последние годы и необходимость учесть замечания, высказанные его рецензентами, обусловили потребность в его переиздании. Однако не менее важным было и другое обстоятельство: за прошедшие десять лет произошли довольно существенные изменения в социолингвистической ситуации отдельных славянских языков и в ряде случаев в их кодификации. Кроме того, славянское языкознание обогатилось новым материалом и новыми подходами к его описанию, что также следовало принять во внимание.

Ввиду этого была начата работа по подготовке второго, исправленного и дополненного, издания тома «Языки мира: Славянские языки». Редколлекцией под руководством А. М. Молдована был получен новый грант Минобрнауки РФ в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., научно-исследовательские работы по лоту «Проведение научных исследований коллективами научно-образовательных центров в области филологических наук и искусствоведения» по теме: «Языки мира: информационные ресурсы для типологических, сравнитель-

но-исторических и ареальных исследований», и к 2013 г. редактирование статей тома было завершено. Дополнительного времени потребовало приведение новых вариантов статей в строгое соответствие друг с другом и с едиными принципами описания, принятыми в серии «Языки мира».

В авторский коллектив как первого, так и второго изданий тома вошли ученые из России и ряда зарубежных стран. Большие группы авторов представляют такие известные российские центры славистических исследований, как Институт славяноведения РАН (А. А. Зализняк, М. И. Ермакова, Л. Н. Смирнов), Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (В. В. Лопатин, А. М. Молдован, И. С. Улукханов), филологический факультет МГУ (Т. С. Тихомирова, Р. П. Усикова, Г. А. Хабургаев, М. Н. Шевелева), историко-филологический факультет РГГУ (С. С. Скорвид), а также другие научные центры (Ю. С. Маслов, Н. В. Рогова, А. А. Сомин). В работе над статьями участвовали специалисты из Белоруссии (Н. В. Бирилло, Ю. Ф. Мацкевич, А. Е. Михневич, А. Е. Супрун), Эстонии (А. Д. Дуличенко), Украины (М. А. Жовтобрюх), Австрии (А. Г. Кречмер, Г. Невкловский), Чехии (А. Ю. Недолужко).

К глубокому прискорбию, за годы, в течение которых готовилось первое, а затем и второе издание тома, авторский коллектив понес утраты — ушли из жизни Н. В. Бирилло, М. И. Ермакова, М. А. Жовтобрюх, Ю. С. Маслов, Л. Н. Смирнов, А. Е. Супрун, Г. А. Хабургаев. Представленные этими авторами статьи при подготовке как первого, так и второго издания потребовали той или иной доработки. В одних случаях она не затрагивала концептуальных основ статьи и не выходила за рамки научного и технического редактирования (статьи Ю. С. Маслова «Болгарский язык» и Г. А. Хабургаева «Древнерусский язык»). В других случаях понадобилась дополнительная авторская работа. Так, при доработке статьи А. Е. Супруна «Старославянский язык» необходимые изменения и преобразование ее в статью «Старославянский и церковнославянский язык» были осуществлены А. М. Молдованом; им же был переработан и дополнен черновой вариант статьи М. А. Жовтобрюха «Украинский язык». Подготовленная Н. В. Бирилло, Ю. Ф. Мацкевич, А. Е. Михневич статья «Белорусский язык» была доработана для первого издания Н. В. Роговой, а для второго — А. А. Соминим. Статью М. И. Ермаковой и А. Ю. Недолужко «Серболужицкий язык» актуализировал для второго издания С. С. Скорвид.

Редактирование статей для обоих изданий тома осуществляли А. М. Молдован и С. С. Скорвид, при подготовке первого издания также Е. И. Якушкина. В редакторской работе над вторым изданием принимали активное участие М. М. Макарец, Д. К. Поляков и М. И. Хазанова. Ряд принципиальных редакторских и организационных решений был предложен А. Ф. Журавлевым и С. М. Толстой. Типологическое редактирование материалов тома для первого издания было выполнено А. А. Кибриком; проверку и дополнение разделов, содержащих социолингвистическую информацию, для обоих изданий осуществил Ю. Б. Коряков. Основным техническим редактором первого издания тома являлась Н. В. Рогова; в его редактировании участвовали также сотрудники группы «Языки мира» Ю. В. Мазурова и О. И. Романова.

Редколлегия тома вновь выражает искреннюю признательность всем коллегам, которые оказали помощь при подготовке первого издания: Г. К. Венедиктову,

В. П. Гудкову, В. С. Ефимовой, Г. И. Замятиной, К. В. Лифанову, И. Д. Макаровой, Н. Б. Мечковской, О. С. Плотниковой, О. А. Ржанниковой.

Большинство статей тома написано по основной схеме II, предназначенной для подробного описания самостоятельных языков (см. Приложение). Статья о древненовгородском диалекте написана по схеме III для описания диалектов. Общая статья о славянских языках написана по схеме I для групп языков. По той же схеме в целом написана статья «Малые славянские литературные языки (микроязыки)», но содержащиеся в ней краткие очерки отдельных малых славянских литературных языков построены по схеме III.

Редколлегия отдает себе отчет в том, что принятые ею решения касательно описания отдельных идиомов по той или иной схеме, подразумевающие придание этим идиомам соответствующего статуса, зачастую условны (что вызвало возражения некоторых рецензентов первого издания). Так, серболужицкий и кашубский описываются в настоящем издании по схеме II и не рассматриваются в статье «Малые славянские литературные языки (микроязыки)», хотя автор последней — как и статьи «Кашубский язык» — А. Д. Дуличенко в своем двухтомном компендиуме 2011 г. «Основы славянской филологии», в главе «Славянская микролингвистика: славянские литературные микроязыки», характеризует названные идиомы (в случае серболужицкого два — верхне- и нижнелужицкий) как «автономные микроязыки». С другой стороны, возможно, отдельного описания по схеме II заслуживали бы идиомы, вычленившиеся из сербохорватского, однако в данном случае авторы статьи «Сербохорватский язык» А. Г. Кречмер и Г. Невекловский предпочли указать названия этих идиомов — в первом издании трех, а во втором, с учетом изменившейся в 2006 г. ситуации, четырех — в подзаголовке и охарактеризовать расхождения между ними в тексте.

Необходимость описания в самостоятельной статье (по схеме II) древнерусского языка объясняется его историческим своеобразием. В отличие от древнесербского, древнепольского и других древних славянских языков, древнерусский не был лишь стадией в развитии русского, украинского или белорусского языков: это был наддиалектный язык, обеспечивавший в XI–XIV вв. функции древнерусского государства и в силу этого принадлежащий общей истории восточнославянских языков — русского, украинского и белорусского. Отдельное же описание древненовгородского диалекта было предпринято в связи с тем, что этот восходящий к позднепраславянскому периоду идиом, с одной стороны, существенно расходится со стандартным древнерусским, а с другой, документирован представительным корпусом бытовых текстов XI–XIV вв., какого по существу лишены другие восточнославянские диалекты.

Редколлегия стремилась к унификации терминологии и системы понятий, используемой в томе. Технические решения, такие как порядок перечисления грамматических чисел (единственное — двойственное — множественное) в парадигмах, были унифицированы, отчасти вопреки национальным лингвистическим традициям. Были упрощены синонимические ряды — например, термины «щелевые» и «спиранты» были заменены на «фрикативные». Редколлегия также приняла решение обновить в статьях тома социолингвистические сведения, в частности данные о численности носителей языков, в соответствии с новейшими национальными переписями населения и другими источниками.

Однако унификация не всегда была возможна. Написанные разными лингвистами, статьи носят следы ярко выраженной авторской индивидуальности, специфических исследовательских интересов и подходов, характерных для того или иного автора. Редколлегия приняла решение сохранить в определенных пределах варьирование, обусловленное индивидуальными авторскими предпочтениями. Например, некоторые авторы предпочитают латинизированные термины (дентальные согласные, пассив и т. п.), другие используют их русские соответствия (зубные, страдательный залог и т. п.). Весьма различными оказались способы транскрипции, используемые разными авторами. Так, в большинстве статей ударение обозначается знаком ´ над ударной гласной. Однако для тех языков, где этот знак используется в системе графем, такое решение невозможно; в этих случаях ударение обозначается вертикальным штрихом перед ударным слогом. Различаются также способы обозначения фонем и принципы транскрипции: использование в этих целях букв кириллицы в статьях о языках с исключительно кириллической литературной графикой и латиницы — в остальных; во втором случае использование диграфов типа dz или специальных символов, таких как ʒ.

Различаются и теоретические установки — например, некоторые авторы стоят на позициях Московской фонологической школы, другие следуют традициям минской лингвистики, третьи придерживаются принципов иных школ. Кроме того, авторы часто видят материал «своих» языков через призму соответствующей национальной лингвистической традиции — польской, болгарской и т. п. В таких случаях редколлегия минимально вмешивалась в авторскую интерпретацию. Различной оказалась также избранная авторами степень детализации при описании тех или иных явлений. В статьях тома отражаются авторские представления о важности — и, напротив, несущественности — тех или иных явлений, о том, в какой степени то или иное явление интересно и заслуживает внимания.

В книге содержатся лингвистические карты, являющиеся авторской научной работой Ю. Б. Корякова. Карты показывают территориальное распределение славянских языков и диалектов — как в настоящее время, так и в более ранние эпохи. Картам предпосланы необходимые пояснения и библиография.

В заключение выражаем искреннюю признательность всем рецензентам первого издания тома, чьи замечания мы старались по мере возможности учесть, и всем коллегам, так или иначе способствовавшим подготовке второго, исправленного и дополненного, издания. Также мы пользуемся случаем еще раз отметить финансовую поддержку Российского гуманитарного научного фонда (проекты № 98-04-06263а, 03-04-16008д) и программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте», которая позволила подготовить массив статей в ходе работы над первым изданием.

Редколлегия

А. Е. Супрун, С. С. Скорвид

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

1. Славянские языки (С.я.) — ветвь близкородственных языков в составе индоевропейской языковой семьи. Названия на основных мировых языках: англ. *Slavic (Slavonic) languages*, нем. *die slawischen Sprachen*, фр. *les langues slaves*.

2. Основные представители: современные национальные языки — русский, белорусский, украинский, болгарский, македонский, сербохорватский (или сербский, хорватский, боснийский и черногорский), словенский, словацкий, чешский, польский; миноритарные (языки национальных или этнических меньшинств) и региональные — серболужицкий, кашубский, различные русинские идиомы и др.; мертвый полабский, а также старославянский и церковнославянский языки. Распространены в Центральной и Восточной Европе и в Северной Азии. Народы, говорящие на С.я., составляют большинство населения России, Белоруссии, Украины, Болгарии, Македонии, Сербии, Черногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Словении, Словакии, Чехии, Польши. Более или менее компактное славянское население живет в Казахстане, в государствах Средней Азии и Закавказья, в Молдавии, в странах Балтии и в других государствах Европы (например, украинцы и болгары в Румынии, словаки в Венгрии, хорваты и словенцы в Венгрии, Австрии, Италии, македонцы в Греции и Албании, серболужичане в Германии). Отдельные компактные и некомпактные группы славянского или славяноязычного населения имеются также в США, Канаде, Аргентине, Австралии, Израиле и других странах.

Первые исторически достоверные сведения о славянах и их расселении в Европе содержатся в источниках на греческом и латинском языках, относящихся к VI в. н. э. (о более ранних упоминаниях, I–II вв. н. э., у таких авторов, как Тацит, Плиний, Птолемей, нельзя с полной уверенностью утверждать, что они относятся именно к славянам). Важнейшие из этих источников — «История войн с готами» Прокопия Кесарийского (551–554), «Стратегикон», приписываемый византийскому императору Маврикию (конец VI в.), и латинская «История готского народа» гота Иордана (551). У Прокопия и псевдо-Маврикия славяне выступают под названиями *склавыны/склавины* и *анты*, у Иордана — *склавыны*, *анты* и *венеты*. Можно полагать, что первое наименование с праславянским корнем **slov-* представляло собой общее самоназвание славян. Этот корень повторяется с видоизменениями в названиях отдельных славянских племенных групп (например, словене в окрестностях оз. Ильмень) и позже славянских народов, особенно в областях, где они составляли меньшинство по отношению к господствующему иноязычному этносу (например в Венгерском королевстве, словенцы в Австрийской империи и др.). Этимология этого этнонима окончательно не выяснена; наиболее вероятным кажется предположение, исходящее из оппозиции **slov-* 'владеющий словом' (т. е. 'говорящий понятно') : **něm-* 'немой' (для славян), т. е. 'иноязычный', в том числе 'немец' (и вообще иноплеменник). Наименования *анты*, впоследствии

не встречающееся, и *венеты*, отражающееся и поныне, в частности, в немецком названии лужицких сербов (*die Wenden* наряду с более новым *die Sorben*) и др., по происхождению не славянские. Понятие *анты*, ассоциирующееся обычно с восточными славянами, по некоторым предположениям, могло относиться к племенному объединению славян с неславянами на территории Восточной Европы. Наименование с корнем **ven(e)t/d-*, по-видимому, было перенесено с названия некоторого племени неясного лингвоэтногенеза на племена, заселившие его территорию позднее, причем не только славянские (ср. германское племя вандалов). В отношении тех или иных групп славян названия, восходящие к этому корню, использовали исключительно их соседи: германцы, а также финские народы.

Дискуссионным является вопрос о прародине (или прародинах) славян, т. е. о территории, на которой произошло и продолжалось становление славянской этноязыковой общности. Одним из первых попытку уточнить пространство, заселенное славянами по «столпотворению Вавилонском», предпринял в начале XII в. автор древнерусской «Повести временных лет», монах Киево-Печерской лавры Нестор: «Спустя много времени осели славяне на Дунае, где ныне земля Венгерская и Болгарская. И оттуда разошлись славяне по земле и взяли себе имена по тому месту, где кто поселился». Версия Нестора была основана на бытовавших еще при его жизни древних сказаниях; ученые XIX в. (С. М. Соловьев, В. О. Ключевский) относились к ней с доверием, в XX в. ее отвергли как фантастическую, однако в последнее время к ней обратились вновь (О. Н. Трубачев).

Согласно представлениям ряда историков и языковедов XIX — первой половины XX в. (В. М. Флоринский, К. Мошинский, Э. Гаспарини), прародина славян находилась в Азии или на востоке Европы — на Оке и Волге. А. А. Шахматов помещал ее в бассейне Немана и Западной Двины, откуда, по его мнению, славяне продвинулись в Повисленье и на Дунай. Большинство современных историков и языковедов локализует прародину славян между Днестром и Одрой (Одером) в лесостепной и лесной зонах, т. е. примерно между 50° и 55° северной широты. Однако в вопросе о конкретном ее местонахождении внутри этой территории различные исследователи расходятся. Например, М. Фасмер, Г. Гирт, Я. Ростафинский указывают на Полесье; Я. Чекановский, М. Рудницкий, Т. Лер-Сплавинский, Т. Милевский, В. В. Маргынов — на район между Одрой и Вислой; М. И. Артамонов, А. В. Арциховский, С. Б. Бернштейн — на район между Вислой и Днестром.

3. Общее количество носителей С.я. в мире составляет в настоящее время около 290 млн чел. За последние 150 лет количество славян возросло почти в четыре раза (в 1849 г. П. Й. Шафарик называл число 78 млн 691 тыс. чел., по данным Т. Д. Флоринского 1911 г., их было 159 млн 420 тыс.).

4. Современные С.я., выступающие как совокупность взаимосотнесенных народных говоров (диалектов), различных наддиалектных речевых форм и литературных языков, подразделяются на три группы: восточную, западную и южную. Основные восточнославянские языки в наши дни — русский, украинский, белорусский; основные западнославянские — чешский, словацкий, польский, кашубский, серболужицкий с двумя литературными языками: верхне- и нижнелужицким; основные южнославянские — болгарский, македонский, сербохорватский, словенский. Эти группы выделяются по территориальному признаку с учетом исторически сложившихся между соответствующими С.я. различий и сходств (см. 5.).

В группе западных С.я. выделяются подгруппы: чешско-словацкая, лехитская (польский, кашубский, мертвый полабский языки) и серболужицкая (исторически, видимо, верхнелужицкие диалекты были ближе к чешско-словацкой, а нижнелужицкие — к лехитской подгруппе, но конвергентные процессы привели к их относительной языковой общности). В группе южных С.я. выделяются сербохорватско-словенская (юго-западная) и болгаро-македонская (юго-восточная) подгруппы. Сербохорватский язык образуют четыре исторически значительно отличающихся друг от друга диалекта: штóкавский, ча́кавский, кáйкавский и торлакский. Относительное единство сербохорватского, в настоящее время спорное, создавалось общностью литературного языка (с двумя региональными разновидностями — восточной и западной), которым пользовались четыре народа: сербы, черногорцы, хорваты и боснийские мусульмане («бошняки»). В последние десятилетия XX в., однако, активизировался процесс развития у этих народов отдельного национально-языкового самосознания, достигший завершения с распадением в 1991 г. их общего государства — Югославии — и с образованием в данном ареале четырех самостоятельных государств (подробнее см. статью «Сербохорватский язык» в наст. издании). Болгарский и македонский в историко-диалектологическом отношении образуют единый, хотя с древних времен расчлененный континуум; их современная самостоятельность обусловлена, кроме внутриязыковых факторов, существованием двух отдельных наций с двумя литературными языками.

Между языками внутри каждой из названных трех групп существуют переходные говоры: например, в восточнославянской области — русско-белорусские на Брянщине и Смоленщине, украинско-белорусские в Полесье; в западнославянской — «ляшские» в Моравско-Силезском крае Чешской Республики (особенно говоры пограничного чешско-польского смешанного пояса); в южнославянской — торлакские на юге и юго-востоке Сербии (в районах, граничащих с Македонией и Болгарией) и т. д. От переходных говоров следует отличать образования диалектного или наддиалектного характера (койне), какие складывались вследствие поздних процессов межъязыковой интерференции в ситуации би- или полилингвизма. Так, продукт украинско-русского языкового смешения представляют собой кубанская «балачка» и восточноукраинский «суржик», а белорусско-русского — «трасянка». Подобные идиомы возникали и в результате интерференции между славянскими языками разных групп: например, так называемый периферийный польский диалект (*polszczyzna kresowa*), сформировавшийся на землях бывшего Великого княжества Литовского и Украины, соответственно на белорусском (белорусско-литовском) и украинском субстрате. Другой случай — переход части исконно восточнославянского русинского этноса, мигрировавшей из Восточной Словакии в сербскую Воеводину и хорватскую Славонию, еще до или в процессе переселения на диалект западнославянской группы — восточно-словацкий, лежащий в основе современного южнорусинского языка. Имеются также иные славянские диалекты и социолекты, возникшие в среде эмигрантов, например, диалект потомков Русской Америки на Аляске; там же функционирует русский язык староверов, в том числе в заново создаваемой литературной форме; есть варианты русского языка различных религиозных общин, иногда в течение нескольких столетий находящиеся в других странах, например, в Турции. Из-

вестны идиомы, возникшие в результате смешения славянских языков, прежде всего русского, с неславянскими, в частности, так называемый «руссенорск» (русско-норвежский пиджин), русско-китайский пиджин, таймырская «говорка» и др. (См. также статью «Медновских алеутов язык» в томе «Языки мира: Палеоазиатские языки». М.: Индрик, 1997.)

Литературные (письменные) языки у славян, начиная с эпохи Средневековья и позднее, особенно в период так называемого славянского национального возрождения (с конца XVIII по XX в.), также были часто открыты для межславянского языкового взаимодействия, в том числе через границы очерченных ареальных групп. Уже первый литературный язык славян — старославянский — и наследующий ему церковнославянский, генетически южнославянские, представлены несколькими местными изводами (редакциями): в частности, моравско-чешским с западнославянскими элементами; древнерусским и его преемниками — московским и юго-западнорусским — с многочисленными восточнославянскими напластованиями. Литературный древнечешский язык XIV–XV вв. служил эталоном для литературного польского в пору его становления, последний же в свою очередь оказал заметное влияние на западнорусскую письменность Великого княжества Литовского. У сербов в XVIII в. в качестве литературного языка бытовал так называемый славяносербский, вобравший в себя церковнославянские, русские и собственно сербские элементы. В XVII в. хорватский барочный мыслитель и писатель Ю. Крижанич выдвинул первую концепцию общеславянского литературного языка («Граматично исказanje ob ruskom jeziku», 1666); в XIX в. аналогичные попытки предприняли словак Я. Геркель («Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta...», 1826) и словенец М. Маяр Зильский («Узајемни правопис славјански, to je: uzajemna slovnica ali mluvnica slavjanska», 1863–1865). В наши дни ряд проектов искусственного общеславянского языка развернут в Интернете.

5. Внутри индоевропейской семьи С.я. обнаруживают давние черты близости в первую очередь к балтийской и далее к ряду других языковых групп, которые свидетельствуют о существовании в период распада индоевропейской общности относительно единого (но не монолитного) праисторического диалектного пространства прежде всего предков славян и балтов с предками иных народов: по одной версии — германцев, по другой — албанцев, по третьей — иранцев.

Общепризнана самая тесная связь диалектов славян и балтов, однако ее характер исследователи трактуют различно. Наиболее старая теория, выдвинутая еще в XIX в. А. Шлейхером и подробно обоснованная К. Бругманом, исходила из наличия в течение определенного периода этноязыкового единства (племенного объединения) носителей славянских и балтийских диалектов, которые представляли собой диалекты балто-славянского праязыка. Некоторые ученые начала XX в. (в частности, А. Мейе), отрицая существование балто-славянского праязыка, предполагали параллельное независимое развитие славянских и балтийских диалектов. Согласно третьей точке зрения, из индоевропейского праязыка выделились самостоятельные прабалтийский и праславянский языки, которые затем пережили период вторичного сближения, когда в результате длительных контактов между балтийскими и славянскими племенами сформировалась так называемая балто-славянская сообщество (термин и концепция С. Б. Бернштейна). Высказываются и иные мнения.

Период балто-славянской близости относится скорее всего ко II тысячелетию до н. э. Не позднее середины I тысячелетия до н. э. у группы славянских племен сложились собственные диалектные особенности, достаточно отличавшие их от балтов.

По мере выделения из индоевропейского континуума диалектов, образовавших праславянский язык, происходили некоторые характерные изменения в их фонологической системе. Если позднеиндоевропейский являлся в целом языком вокалического строя, то в ходе истории праславянского языка имело место постепенное возобладание черт консонантного строя. С этим были типологически связаны определенные изменения в праславянской просодической (акцентной) системе.

В вокализме краткие индоевропейские **ǵ* и **ǝ* совпали в **ǝ* или, возможно, изначально нелабиализованном **ǝ̃* (по другому мнению, в **ǵ̃*, как у балтов): праслав. **ǝrati* 'пахать' — лат. *ǝrare*, праслав. **dǝmь* 'дом' — лат. *dǝmus* (литов. *ǝrti, nǝmas*); долгие **ǵ̃* и **ǝ̃* — в **ǵ̃*: праслав. **mǵti* 'мать' — лат. *mǵter*, праслав. **dǵti* 'дать', **dǵнь* 'дань' — лат. *dǵnum* 'дар' (балтийские рефлексy **ǵ̃*, **ǝ̃* различны, ср. литов. *mǝtǝ* 'женщина', латыш. *mǵte* 'мать', но литов. *dǵoti*, латыш. *dot* [duǝt] 'дать'); одновременно наступило изменение **ǝ̃* в **ǵ̃* («первый ять» — по другому мнению, в **ǵ̃̃*, аналогично балтийскому развитию): праслав. **sǵti* 'сеять' — лат. *sǵro* 'сею' (литов. *sǵti*). Позже произошло изменение **ǵ̃* в **ǵ̃̃* и кратких **ǵ̃̃*, **ǵ̃̃̃* в так называемые редуцированные (по интерпретации С. Б. Бернштейна, сверхкраткие средне-верхнего подъема) **ǵ̃̃̃* и **ǵ̃̃̃̃*: праслав. **sǵнь* 'сын' — литов. *sǵnǵs*, праслав. **bǵdrь* 'бодрый' — литов. *budrǵs* 'бдительный', 'чуткий', праслав. **mǵn-* в глаголе '(по)мнить' — литов. *minǵti* 'упоминать', 'вспоминать' (здесь и далее праславянские реконструкции даются в позднепраславянской форме, если им не предшествует знак <, указывающий на более ранний облик; долготы/краткости гласных отмечается только в релевантных для приводимых соответствий морфемах).

Таким образом, исходная позднеиндоевропейская система вокализма включала симметричные подсистемы кратких и долгих гласных:

Подъем	Краткие			Долгие		
	Ряд					
	Передний	Средний	Задний	Передний	Средний	Задний
Верхний	ī		ū	ī̃		ū̃
Средний	ē		ō	ē̃		ō̃
Нижний		ǣ			ā̃	

В результате раннепраславянских преобразований она изменилась в систему, в которой собственно количественные оппозиции уже не были фонологически релевантными:

Подъем	Ряд	
	Передний	Непередний
Верхний	ī	ū̃
Средне-верхний	ь	ь̃
Средний	ē	ō̃
Нижний	ǣ̃	ā̃

Индоевропейские слоговые сонанты (независимо от первоначальной краткости/долготы) изменились, как и в прабалтийском языке, в сочетания **ŷr, *ŷr, *ŷl, *ŷl, *ŷm/ŷn, *ŷm/ŷn*, на славянской почве далее в **br, *br, *bl, *bl* и **bm/n > *o, *bm/bn > *e* (носовые гласные): праслав. **gьrdlo* ‘горло’ — литов. *gurklŷs* ‘зоб’, праслав. **vьlkь* ‘волк’ — литов. **vil̃kas*, праслав. **dьti* ‘дуть’ — литов. *dūmti*. Долгота гласных сократилась и в сочетаниях с другими неслоговыми сонантами (сочетания с неслоговыми **u, *i* традиционно именуются дифтонгами).

В области консонантизма произошло: исчезновение индоевропейских придыхательных взрывных согласных (реконструкция которых в последнее время ставится под сомнение, в частности, Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Ивановым): праслав. **berь* ‘беру’ — лат. *ferō* ‘несу’; как и в остальных диалектах группы *satəm*, с одной стороны, совпадение лабиализованных взрывных заднеязычных с нелабиализованными: праслав. **kьto* ‘кто’ — лат. *quis*; с другой, изменение палатальных взрывных заднеязычных во фрикативные среднеязычные (в праславянском — в свистящие **ʃ, *ʒ* с последующей утратой палатальности): праслав. **рь(i)sati* ‘рисовать, писать’ — лат. *pictus* ‘раскрашенный’ (литов. *piẽšti* ‘рисовать’), праслав. **znati* ‘знать’ — лат. *cognosco* ‘познаю’ (литов. *žinóti* ‘знать’), **(j)azь* ‘я’ — лат. *ego* (литов. *àš*). В ряде морфем наблюдаются неожиданные «кентумные» рефлексии палатальных заднеязычных: праслав. **gordь* ‘огороженное место’ при литов. *gařdas* и *žarďis* ‘загон’ — лат. *hortus* (< *g’h-) ‘сад, огород’ и др. Старый **s* после элементов *i, u, r, k* не перед согласными изменился в **x* (причем **kx > *x*): праслав. **рь(i)xati* ‘толкать (пихать)’ < **pis-/pejs-*, ср. литов. *paisyti* ‘обмолачивать (ячмень)’, праслав. **blьxa* ‘блоха’ — литов. *blusà*, праслав. **vьrxь* ‘верх’ — литов. *viršùs*, праслав. **lixь* ‘лишний’ < **leiks-*, ср. литов. *liekana* ‘остаток’. Фонологизация **x* наступила с изменением **ʃ > *s*, когда возникли пары типа **рь(i)xati* : **рь(i)sati*, и в связи с распространением **x* в других позициях: в частности, по аналогии во флексиях (например, местного падежа множественного числа **-axь*, как **-ěxь < *oĭxь, *-ьxь, *-ьxь*), а также в начале слова, в том числе в качестве экспрессивной замены **k* (ср. праслав. **xoldь* ‘холод’, но **kold-* в рус. *колодец*).

Таким образом, традиционно реконструируемая позднеиндоевропейская (для языков *satəm* типа праславянского) система консонантизма изменилась в систему:

По способу образования			По месту образования			
			Лабиальные	Дентально-альвеолярные	Среднеязычные	Велярные
Шумные	Взрывные	Гл.	p	t		k
		Зв.	b	d		g
	Фрикативные	Гл.		s		x
		Зв.		z		
Сonorные	Носовые		m	n		
	Боковые			l		
	Дрожащие			r		
	Скользющие		w (u) *		j (i)	

* Фонема *w (u)* в отдельных славянских языках и диалектах и поныне сохраняет билабиальный характер; вместе с тем, видимо, уже достаточно рано на значительной части славянской территории начался ее переход в лабиодентальную *v*. Символ *v* ниже условно используется для обозначения *w (u) / v*.

Магистральной тенденцией дальнейшего исторического развития звукового строя праславянского языка была тенденция к консолидации слога. В качестве частных ее проявлений традиционно рассматриваются тенденция к восходящей звучности элементов слога и так называемая тенденция слогового сингармонизма.

Первая закономерность, которая в дальнейшем обусловила действие «закона открытого слога», подразумевала, что элементы слога (в раннепраславянском только начала слога) могли следовать друг за другом лишь в таком порядке: шумные согласные (фрикативные перед взрывными) — сонорные — гласные. При этом в одном слоге были возможны сочетания либо только глухих, либо только звонких шумных согласных, например, **o-strъ* ‘острый’, **no-zdri* ‘ноздри’ и т. д.

Вторая тенденция касалась прежде всего сочетаний согласных с гласными. Твердые согласные под влиянием последующих передних гласных смягчались; при этом заднеязычные согласные изменились в мягкие шипящие: **k > č*, **g > ž*, **x > š* (1-я палатализация). Те же изменения пережили заднеязычные согласные в сочетаниях с **j*. Примеры: **plakati* ‘плакать’ — 2 л. ед. ч. наст. вр. **plač’eši*(ь), **plač’ь* ‘плач’ (< **plakj-*); **lъgati* ‘лгать’ — **lъž’ь/lъž’a* ‘ложь’ (< **lŭgĭ-/lŭgj-*); **tixъ* ‘тихий’ — *tiš’ina* ‘тишина’. Аналогичные преобразования претерпели сочетания **sj*, **zj > š*, **ž*: **nositi* ‘носить’ — **noš’a* ‘ноша’; **nož’ь* ‘нож’ (< **nozj-*). Негубные сонорные в сочетании с **j* давали мягкие сонорные: **kon’ь* (< **konj-*) и т. п. Развитие сочетаний других согласных с **j*, в частности, сочетаний **tj*, **dj*, в раннепраславянский период, вероятно, изменившихся в палатальные **t’*, **d’*, завершилось в позднепраславянском языке либо уже после распада праславянской общности. После мягких согласных, возникших вследствие изменения сочетаний с **j*, еще в раннепраславянском языке непередние гласные переходили в передние: **š’iti* ‘шить’ (< **sjŭti*), **mor’e* ‘море’ (< **morjo*); напротив, передний **ā* перешел в **ā*: **lež’āti* ‘лежать’ (< **lež’āti < *legēti*).

Основные процессы поздней эволюции праславянского звукового строя были связаны с постепенным действием тенденции к открытию различных типов закрытых слогов (закон открытого слога). К ним в первую очередь относятся следующие изменения:

— утрата согласных в конце слова (**slovo* ‘слово’ < **slovos*);

— упрощение геминат и других групп согласных, противоречащих тенденции восходящей звучности, в середине слова (**me-sti* ‘мести’ < **met-ti*, **(v)osa* ‘оса’ < **(v)op-sa*, **dъbno* ‘дно’ < **dŭb-no*);

— монофтонгизация дифтонгов **ou > *ū*, **eu > *jū* (**tud’-/tŭd’-* ‘чужой’ < **toŭdj-/teŭdj-*), **ej > *ĭ* (**(j)iti* ‘идти’ < **ejti*), **oj > *ĕ* («второй ять»: **pĕti* ‘петь’ < **poĭti*) или, в определенных морфологических позициях в конце словоформы, **ĭ* (им. п. мн. ч. **stoli* ‘столы’ < **stoloj*, 2 л. ед. ч. повел. накл. **beri* ‘бери!’ < **beroj(s)*);

— монофтонгизация дифтонгических сочетаний **om/on*, **ьm/ьn*, **em/en*, **ьm/ьn > *ǫ*, **ǫ (*zǫbъ* ‘зуб’, **jǫzъkъ* ‘язык’);

— различные по диалектам изменения дифтонгических сочетаний гласных с плавными сонантами (завершались уже после распада праславянской общности).

Монофтонгизация **ou*, **eu* обусловила восстановление в системе вокализма признака лабиальности, в связи с чем, возможно, произошла лабиализация **ǫ > *ǫ̃*. В связи с изменением **eu > *jū* появились новые сочетания согласных с **j*, которые претерпевали те же преобразования, что и старые; при этом с развитием группы **tj*

совпали результаты изменения сочетания **kt* (также из **gt*) перед гласными переднего ряда (в другой позиции подвергнувшегося упрощению, ср. **peti* < **pekti* ‘печь’, но **potь* ‘пот’ < **pokt-*). Перед возникшими вследствие монофтонгизации **oi* передними гласными **ě*, **ī* произошло изменение заднеязычных согласных **k*, **g* в свистящие **c*, **z* (> **z*) (2-я палатализация: **c'ěna* ‘цена’, **z'ělo* (> *z'ělo*) ‘очень’, им. п. мн. ч. **vьlc'i* ‘волки’ и т. п.); аналогичное — непоследовательное — изменение было пережито ими после гласных **ь*, **i*, **e* не перед согласными (3-я палатализация: **otьc'ь* ‘отец’, **děvic'a* ‘девица’, **kьnъz'ь* ‘князь’); заднеязычный **x* в подобных позициях изменялся неодинаково по диалектам (см. ниже).

К середине I тысячелетия н. э. в силу целого ряда разнонаправленных миграций славянских племен праславянский язык был распространен уже на обширной территории от Днепра на востоке до Лабы (Эльбы) на северо-западе и от Балкан до Альп на юге, представляя собой диалектный континуум, пересеченный множеством изоглосс, относящихся к разным языковым уровням. Из них наиболее отчетливо прослеживаются фонетические изоглоссы (изофоны), связанные с неодинаковым отражением в диалектах некоторых позднепраславянских изменений. Пять таких изофон объединяют — хотя не без отклонений — восточно- и южнославянские диалекты, противопоставляя их западнославянским (порядковые номера здесь и далее отсылают к нумерации строк с примерами в Таблице звуковых соответствий на с. 21–22).

(1) утрата взрывного компонента в сочетаниях **tl*, **dl* на востоке и на юге при его сохранении на западе (отклонения: в среднесловацких диалектах тип *šilo* ‘шило’, *krielo* ‘крыло’ при лит. *šidlo*, *kridlo*; напротив, в северных словенских диалектах тип *šiduо*, *kriduо* при лит. *šilo*, *kriло*; в словенском, помимо этого, регулярное сохранение корневых *t*, *d* в причастиях на *-l*; в кашубском и северных польских диалектах замена **dl* > *gl* в суффиксе существительных типа *žaglo* ‘жало’ — польск. лит. *žądlo*; та же замена **tl*, **dl* в севернорусских диалектных лексемах типа *жагло*, в древненовгородском диалекте аналогично в причастиях на *-l*: **соусрѣкли** ‘встретили’, **на конь оусегли** ‘на коня сели’);

(2) изменение заднеязычного **x* по 2-й и 3-й палатализации на востоке и на юге в свистящий **s*, на западе же, как при 1-й палатализации, в шипящий **š* (отклонения: в ср.-словац. диалектах **x* в позиции 2-й палатализации чередуется с *s* в местн. п. ед. ч. сущ. ж. р. типа *strecha* ‘крыша’ — *na strese*; та же альтернатива выступает и в литературном словацком языке */x/ ~ /s/* в им. п. мн. ч. одушевленных существительных типа *mních* ‘монах’ — *mnísi*, *Vlach* ‘валах, румын’ — *Vlasi*, ср. болг., с.-х. *Vlah* — *Vlasi*, др.-рус. **послоуѣхъ** — **послоуѣси**; сохранение **x* перед **ě* < **oi* в древненовгородском **хѣрь** ‘сермяга’ связано с отсутствием в названном диалекте 2-й палатализации вообще; при этом **x* не подвергался здесь также 3-й палатализации, ср. **вѣхѣ** ‘весь’ и т. д.);

(3) 2-я палатализация заднеязычных компонентов сочетаний **kv*, **gv* перед **ě* из **oi*, а иногда и перед другими гласными переднего ряда на востоке и на юге при сохранении **kv*, **gv* на западе (отклонения: в украинском и белорусском языках сосуществуют соответственно *цвіт*, *цвет* ‘окраска’ и *квіт*, *квет* ‘цветок’, причем варианты с *kv*- не обязательно заимствованы из польского: подобные им известны также рус. говорам; в древненовгородском диалекте палатализация с закономерностью отсутствует как в **квѣт-**, так и в **гвѣзда**);

Таблица звуковых соответствий С.я.
 праславянского диалектного происхождения

№	Восточнославянские языки					Южнославянские языки					Западнославянские языки				
	рус.	укр.	бел.	болг.	макед.	серб. (хорв.)	словен.	словац.	чеш.	польск.	в.-луж.	н.-луж.			
1	*чl, *dl плѣч, плѣч, плѣч, плѣч; мн.ч. плечи; мн.ч. плечи; сьел, з'ѣл, з'ѣл; мн.ч. съели мн.ч. з'ѣли	плѣ, плѣ, плѣ; мн.ч. плечи; мн.ч. плечи; з'ѣл, з'ѣл; мн.ч. з'ѣли мн.ч. з'ѣли	плѣ, плѣ, плѣ; мн.ч. плечи; мн.ч. плечи; з'ѣл, з'ѣл; мн.ч. з'ѣли мн.ч. з'ѣли	плел, плел, плел; мн.ч. плели; мн.ч. плели; изял, изял; мн.ч. изели мн.ч. изели	плел, плел, плел; мн.ч. плели; мн.ч. плели; изјело, изјело; мн.ч. изјели мн.ч. изјели	плео, плео, плео; мн.ч. плели; мн.ч. плели; изјело, изјело; мн.ч. изјели мн.ч. изјели	pletel,pletel,pletel; мн.ч. плетли; мн.ч. плетли; izjedel,izjedel,izjedel; мн.ч. изједли мн.ч. изједли	pletel,pletel,pletel; мн.ч. плетли; мн.ч. плетли; szedol,szedol,szedol; мн.ч. зједли мн.ч. зједли	plet,plet,plet; мн.ч. плети; мн.ч. плети; szedl,szedl,szedl; мн.ч. зједли мн.ч. зједли	plót,plót,plót; мн.ч. плети; мн.ч. плети; zjedl,zjedl,zjedl; мн.ч. зједли мн.ч. зједли	plet,plet,plet; мн.ч. плети; мн.ч. плети; zjedl,zjedl,zjedl; мн.ч. зједли мн.ч. зједли	plati,plati,plati; мн.ч. плати; мн.ч. плати; zjedl,zjedl,zjedl; мн.ч. зједли мн.ч. зједли			
2	*х по 2 и 3 паплат. серый, седой	сірий шило	швѣла (шѣры)	дьял. сяр	–	с(у)јед, дьял. sijer	ser	šerý	šerý	szary	šery	šery			
3	*кѣѣ-, *гѣѣ- цвет, звезда	цвѣт/квѣт (звѣзда)	цвѣт/квѣт (звѣзда)	цвѣт, звѣзда	цвет, звѣзда	цвет, звѣзда	цвет, звѣзда	květ, květ, hvězda	květ, květ, hvězda	kwiat, kwiat, gwiazda	kwět, kwět, gwězda	květ, květ, gwězda			
4	*tj, *kt (перед i, e, ъ) свѣча, ночь	свѣча, ніч	свѣча, нощ	свѣц, нощ	свѣца, нощ / св(у)лѣћа, ноћ	свѣца, нощ / св(у)лѣћа, ноћ	svieca, noc	svieca, noc	svieca, noc	świeca, noc	świeca, noc	świeca, noc			
5	*dj межа, хожу	межа, хожу	межа, хаджу	межда	меѣа	меѣа	meja	meza	meze	međa	mjeza	mjaza			
5	*пj земля	земля	зямля	земля	земѣа	земѣа	zemlja (zem)	země	země	ziemia	zemja	zemja			

(4) изменение $*t'$, $*d'$, возникших из сочетаний $*tj$, $*kt$ (перед $*i$, $*e$, $*ь$) и $*dj$, на востоке и на юге в шипящие согласные, какие далее претерпевали неодинаковые преобразования в южнославянских диалектах, и в свистящие $*c'$, $*z'$ ($> z'$) на западе (отклонения: для древнепсковского диалекта предполагают своеобразное, напоминающее развитие в западной части южнославянского ареала изменение $*t'$, $*d'$ в $*k'$, $*g'$ с последующим отвердением, ср. отсюда рус. лит. *пугать* < **pōdjati* 'выгонять', в отличие от рус. диал. *пужать*; в древненовгородском зафиксирован также рефлекс $*dj$ западнославянского типа: *ризѣи* 'рыжий');

(5) изменение сочетаний губных согласных с $*j$ на стыке морфем в сочетания с l' на востоке и на юге (в болгаро-македонской области, возможно, изначально непоследовательное: ст.-слав. *земѣла/земьѣла* 'земля'), тогда как на западе (и в болгаро-македонской области) l' в данной позиции в основном не получил развития (отклонения: польск. *kropla* 'капля', *grobla* 'запруда' при др.-польск. *kropia*, *grobia*, топонимы *Lublin*, кашуб. *Korablewo*).

Помимо давних колебаний $ml' // m'$, $pl' // p'$, $bl' // b'$, существуют еще две изофоны, объединяющие болгаро-македонские, а во втором случае также словенские диалекты с лехитскими:

(6) гласный нижнего подъема на месте «ять» (первого и второго): макед. диал. *vāra* 'вера', болг. лит. *vъra* (в ударном слоге не перед слогом с передней гласной), польск. *wiara* (перед изначально твердыми переднеязычными согласными); в других диалектах первый и второй «ять» совпали в средне-верхнем гласном $*ě$ (ниже здесь и в других статьях наст. издания позднепраславянский рефлекс обоих «ять» вне независимости от диалектных различий условно обозначается этим знаком);

(7) отсутствие изменений носовых гласных $*ę > ĩ$, $*ǫ > ʉ$, какие были характерны для остальных диалектов (см. рефлексy в таблице); пара соотносительных по степени подъема носовых гласных в болгаро-македонской и в словенской областях удерживалась дольше, нежели в других (в крайних говорах соответствующих языков реликты назализации отражаются в некоторых словах и поныне), а в лехитских языках носовые гласные с некоторыми изменениями в дистрибуции вообще сохранились (об их развитии в польском см. 6.).

Следующие три изофоны объединяют восточнославянские диалекты с западными либо северо-западными и противопоставляют их южнославянским вместе с юго-западными или их частью:

(8) изменение начальных сочетаний типа $*orT$, $*olT$ в $*raT$, $*laT$ в любой позиции в южных диалектах, к которым примыкают среднесловацкие, в отличие от остальных западных и всех восточнославянских диалектов, где в морфемах, не несущих постоянного ударения (т. е. за пределами акцентной парадигмы *a*, см. ниже), те же сочетания изменялись в $*roT$, $*loT$;

(9) изменение сочетаний типа $*TorT$, $*TolT$, $*TerT$, $*TelT$ в $*TraT$, $*TlaT$, $*TrēT$, $*PlēT$ в южнославянских диалектах вместе со словацкими и чешскими, в отличие от $*TroT$, $*TloT$, $*TreT$, $*TleT$ в лехитской и серболужицкой областях и восточнославянских полногласных сочетаний (в большинстве случаев одинаковых для групп $*TolT$ и $*TelT$, на северо-западе имеющих в основном разные рефлексy, ср. рус. *полоть* — польск. *pleć* с отклонением в кашуб.: *płoc*); при этом в северо-западной области первоначально также образовывались сочетания, аналогичные

полногласию, ср. в.-луж. *trjebić* ‘прореживать’, где отсутствие изменения *tr’ > tr̥* предполагает продолжительное сохранение между согласными вокального элемента, как в рус. *терёбить*; в западнолехитском регионе имело место особое развитие **TorT > *TarT*, ср. в северокашубских диалектах *karvinc* ‘коровий навоз’, *starnev* ‘камбала’, в наши дни также кашуб. лит. *karwa* ‘корова’, *starna* ‘страница’ с реставрацией этого рефлекса (наряду с *krowa, strona*, как в польском языке);

(10) примерно то же противопоставление праславянских диалектов обнаруживают изофоны, связанные с рефлексацией сочетаний редуцированных с плавными сонантами типа **TьrT, *TьlT* или **TьrT, *TьlT*: группы с непременным и передним редуцированным отражались одинаково в диалектах южной зоны, к которым в отношении сочетаний **TьlT* и **TьlT* в целом присоединяются среднесловацкие, а в отношении **TьrT* и **TьrT* почти весь чешско-словацкий массив (кроме восточнословацкого ареала), и, напротив, по-разному в остальных западнославянских и в восточнославянских диалектах, хотя у типа **TьlT*, в отличие от **TьlT*, лишь в отдельных позициях: у восточных славян — после шипящих согласных, ср. рус. *желчь* (< **žьlčь*), но чеш. *žluč*, польск. *żółć*; у западных — после губных, причем на северо-западе — только перед губными и заднеязычными, ср. чеш. *vlk*, польск. *wilk* (с отклонением в кашуб. *wolk*); в восточнославянском и северо-западном ареалах, кроме того, своеобразие давних групп с **ь* может отражать мягкость как *l*, так и *r* в позиции перед губными и заднеязычными (или ее следы), ср. польск. *wierzch* и рус. *верх*, в старомосковском произношении и поныне [*v’er’x*].

К специфически восточнославянским особенностям, помимо конечных итогов изменения сочетаний типа **TorT, *TolT, *TerT, *TelT* и **TьrT, *TьlT, *TьrT, *TьlT* (включая так называемое «второе полногласие», т. е. **TьrT > TьрьT* и т. д., которое отражено, например, в рус. лит. *верёвка* < **vьrv-*), а также сочетаний **dj, *tj* и **kt* перед гласными переднего ряда, относится, далее, концентрация в восточнославянских диалектах морфем с изменением начального **(j)e-* в **o-* (ср. рус. *один* и польск., чеш., словац. *jeden*, с.-х. *jedan*, болг. *един*).

Просодическая (акцентная) система праславянского языка имела морфонологический статус. Место ударения изменяемых слов определялось типом так называемой акцентной парадигмы (а. п.); при этом выделяются три основных типа: а. п. *a*, а. п. *b* и а. п. *c*. Парадигма *a* характеризовалась постоянным ударением на корне, парадигма *b* — постоянным ударением на элементе, следующем за корнем, парадигма *c* — подвижным ударением. Парадигмы *a* и *b* исторически являлись вариантами одной акцентной парадигмы, которые распределялись в зависимости от долготы (а. п. *a*) / краткости (а. п. *b*) корневой гласной; в обоих этих случаях корневая морфема обладала по отношению к ударению положительной маркировкой (+, во втором случае со сдвигом вправо: →). Распределение между а. п. *a* и а. п. *b*, с одной стороны, и а. п. *c* — с другой, было традиционным. К а. п. *c* относились слова с отрицательной по отношению к ударению маркировкой корня (–). В словоформах этой парадигмы ударение определялось либо положительной маркировкой флексии, либо, если все морфемы в словоформе были маркированы отрицательно, автоматически приходилось на начальный слог слова или тактовой группы. В соответствии с этим в праславянском языке различают

два типа ударения: автономное (в словоформах по меньшей мере с одной положительно маркированной морфемой, на которую оно падает) и автоматическое (в словоформах а. п. с, в которых все морфемы маркированы отрицательно). Примеры: рус. а. п. а *ма́ть*, а. п. б *же́на*, а. п. с *голова́*, вин. п. ед. ч. *го́лову*, в сочетании с предлогом — возможный перенос ударения на начало тактовой группы: *на́ голову*. Эти два типа ударения противопоставлялись интонационно: автономное ударение характеризовалось восходящей интонацией (старый акут, например, **mǎti*), а автоматическое — нисходящей (старый циркумфлекс, например, вин. п. ед. ч. **gōlvŏ*).

В позднепраславянскую эпоху эта система усложнилась: возникло, с одной стороны, новоакутовое ударение с интонацией восходящего типа, в основном в результате ретракции ударения со слогов с так называемыми слабыми редуцированными (именно в утрате ими ударения нашла древнейшее выражение слабая позиция редуцированных, в отличие от сильной) и в ряде иных случаев (**dvorъ* > *dvŏrъ* 'двор', **volja* 'воля' — вин. п. ед. ч. в позднепраславянском *vŏlŏ* и т. д.), а с другой, явление нового циркумфлекса, которое представляло собой замену рефлексов старого акута на противоположные в определенных морфологических позициях в отдельных группах славянских диалектов.

Праславянская грамматическая система, восходя к позднеиндоевропейской, обнаруживала и значительное количество специфических черт.

Морфология праславянского языка представляла флективно-синтетический тип с элементами аналитизма (ниже рассматриваются только особенности основных полнознаменательных частей речи).

В именном склонении сохранялась семипадежная — с особой звательной формой существительного в единственном числе — трехчисловая (единственное, двойственное, множественное число) парадигма. У имен существительных распределение по типам склонения первоначально зависело от наличия/отсутствия основообразующего суффикса (темы) и не было напрямую связано с различиями по роду. В соответствии с этим выделяют тематические и атематические типы склонения. К первым относят склонения: на *-ā (продуктивный тип для существительных женского рода, представленный также у некоторых названий лиц мужского либо общего рода: ст.-слав. *жена* 'женщина', 'жена', *юноша* 'юноша', *жжика* 'родственник/родственница'); на -ō (продуктивный тип для существительных мужского и среднего рода: ст.-слав. *рабъ* 'раб', 'слуга', *село* 'селение', 'поле'); на *-ī (непродуктивный тип — всего несколько существительных мужского рода: ст.-слав. *сынъ* 'сын', *врѣхъ* 'верх' и др.); на *-ī (ограниченно продуктивный тип у существительных женского и непродуктивный у существительных мужского рода: ст.-слав. *кость* 'кость', *пѣть* 'путь'); на *-ī (непродуктивный тип у существительных женского рода: ст.-слав. *любы* 'любовь', род. п. ед. ч. *любъвѣ*). Вторые — непродуктивные или ограниченно продуктивные — подразделяются в зависимости от первоначально словообразующего суффикса. Таковы, в частности, типы: на *-on/en (существительные мужского и среднего рода: ст.-слав. *камы* 'камень', род. п. ед. ч. *камене*; *имѧ* 'имя', род. п. ед. ч. *имене*); на *-os/es (существительные среднего рода: ст.-слав. *слово* 'слово', род. п. ед. ч. *словесе*), на *-ent (существительные среднего рода, обозначающие главным образом детенышей животных: ст.-слав. *жрѣбѧ* 'детеныш осла/лошади') и др.

В результате различных фонетических и морфологических изменений, в последнем случае связанных в основном с явлением аналогии, произошли такие процессы, как: 1) дифференциация продуктивных склонений «твердого» (< **-ā*, **-ō*) и «мягкого» (< **-jā*, **-jō*) типов; 2) так называемое «переразложение» между давними основой и флексией: многие элементы, ранее относившиеся к разным сегментам словоформы, оказались объединены, что усилило флективный характер праславянского языка. В склонении прилагательных сохранялись только продуктивные типы (ж. р. < **-ā*, **-jā*, м. р. и ср. р. < **-ō*, **-jō*), а также постепенно складывалась дифференциация кратких (именных) и полных (местоименных, т. е. генетически включающих указательное местоимение **-jь*) форм типа ст.-слав. **ДОБРА/ДОБРАТА** 'хорошая' с различным ее последующим развитием в славянских диалектах и языках. В системе местоимений существовало подобное именному распределение «твердого» и «мягкого» типов при особом местоименном склонении, ср. ст.-слав. указательные местоимения **ТЪ** 'тот', род. п. ед. ч. м. р. **ТОГО** — **СЬ** 'этот', род. п. ед. ч. м. р. **СЕГО**; особый случай: **ОНЪ** 'тот', 'оний', род. п. ед. ч. м. р. **ОНОГО/ОНЪ** 'он', род. п. ед. ч. м. р. **КГО** и т. д. (от местоимения, восходящего к **-jь*, ср. ст.-слав. вин. п. ед. ч. м. р. **И** 'его'). Комплекс причин фонетического и синтаксического характера обусловил зарождение у имен и местоимений категории одушевленности: возникшая после утраты согласных в конце слова омонимия форм именительного и винительного падежа единственного числа существительных мужского рода привела к нежелательному для наименований «полноправного мужского лица» неразличию субъекта и прямого объекта в предложениях типа **Кънезь призѣва брат(r)ь* 'Князь призвал брата', ввиду чего исконные формы винительного падежа единственного числа у слов этой лексико-грамматической категории начинали заменяться формами родительного падежа единственного числа.

В сфере личных форм глагола в целом сохранялось позднеиндоевропейское распределение типов спряжения в настоящем времени (презенте) изъявительного наклонения (тематические типы на **-ō/-ē* с вариантами **-nō/-nē*, **-jō/-jē* и на **-ī*: ст.-слав. **НЕСЖ** 'я несу', **НЕСЕШИ** 'ты несёшь', **ПРОШЖ** 'я прошу', **ПРОСИШИ** 'ты просишь'; атематический тип с присоединением флексий к основе без основообразующего суффикса: ст.-слав. **ВѢМЪ** 'я знаю', **ВѢСИ** 'ты знаешь'). В системе форм прошедшего времени имела место утрата архаичного имперфекта (реликты: ст.-слав. **ВѢДѢ**, др.-чеш. *vědě* с претерито-презентным значением: 'я знал' и 'я знаю') с заменой его новым имперфектом, в формально-морфологическом отношении связанным с так называемым сигматическим аористом (ст.-слав. имперфект глагола **ПАДАТИ** 'падать' — **ПАДААХЪ** 'я падал', аорист глагола **ПАСТИ** 'упасть' — **ПАДОХЪ** 'я упал', при частичном сохранении форм старого асимметрического аориста типа **ПАДЪ**). Происходила постепенная грамматикализация аналитических временных форм: перфекта (ст.-слав. 1 л. ед. ч. м. р. **ПАЛЪ КСМЪ**) и плюсквамперфекта (ст.-слав. 1 л. ед. ч. м. р. **ПАЛЪ БѢХЪ**), обозначавших, в отличие от аориста и имперфекта, результат прошедшего действия, актуальный на некоторый момент соответственно в настоящем и в прошлом. Вместе с тем еще не окончательно грамматикализировались формы будущего времени (ст.-слав. 1 л. ед. ч. **ХОЦИЖ ПАСТИ**, **ИМАМЪ ПАСТИ**, **БЖДЖ ПАЛЪ** — конструкции, впоследствии имевшие различное развитие в С.я.). При сохранении в целом системы синтетических форм повели-

тельного наклонения образовывались новые аналитические формы сослагательного, или условного, наклонения с использованием либо особых форм вспомогательного глагола 'быть', типа ст.-слав. **бимь палъ...**, либо форм аориста того же глагола, типа ст.-слав. **быхъ палъ...** (по-видимому, различно по диалектам). Получило дальнейшее распространение выражение способов глагольного действия при помощи префиксации и суффиксации, что вело к зарождению у глаголов противопоставления перфективности/имперфективности, параллельного временным оппозициям, т. е. к формированию в системе глагола видовой классификации. Залоговые различия (актив : пассив) первоначально выражались оппозицией невозвратных : возвратных форм глагола (ст.-слав. 3 л. ед. ч. **дастъ** 'даст' : **дастъ сѧ** 'будет дано'). Позже распространились аналитические формы пассива — конструкции вспомогательного глагола 'быть' со страдательным причастием (в настоящем времени глагол 'быть' часто опускался, конструкции же форм настоящего времени этого глагола со страдательным причастием могли выражать значение «перфектного пассива», ср. др.-чеш. *Dievecě dřěve porozenie jest zvěstováno* 'Деве заранее рождение было возведено'). Наступила десубстантивация форм дат. и вин. п. ед. ч. отглагольных существительных с суффиксом *-t-, регулярно используемых в функциях соответственно инфинитива и супина (ст.-слав. инфинитив **ловити** 'ловить', супин со значением действия как цели движения **ловитъ**).

Уже в позднепраславянском языке, по-видимому, сложились основные формально-морфологические диалектизмы, например: формы родительного падежа единственного числа и именительного, винительного падежа множественного числа имен склонения на *-jā с флексией *-ę в южнославянских и *-ě в восточно- и западнославянских диалектах (ст.-слав. род. п. ед. ч. **доушѧ**, др.-рус. **доушѣ**, др.-чеш. *dušě*), аналогично форма творительного падежа единственного числа имен склонения на *-ō с флексией *-omь на юге (ст.-слав. **рабоmь**) и *-omь на востоке и западе (ср. уже в старославянских Киевских листках X в. **надъ оплатъмь** 'над облаткой') и т. д. Некоторые изоглоссы более локального характера объединяют часть восточных, южных и западных диалектов, например, укр., с.-х., словен. и ср.-словац. диал. флексия *-to* в формах 1-го лица множественного числа настоящего времени глаголов и др.

Структура простого предложения в праславянском языке могла быть двоякой: для него были характерны, с одной стороны, односоставные именные предложения с имплицитной предикативностью (ср. ст.-слав. **горе же непраздънымъ и доуштимъ въ ты дни** 'горе же (будет) беременным и питающим сосцами в те дни'), а с другой — двусоставные глагольные предложения с обычным порядком частей «субъект — выраженный личной формой глагола предикат — объект». Члены предложения обладали значительной степенью автономности; в первую очередь у форм глагола в предикате это проявлялось в потенциальности местоименного выражения субъекта, а также объекта (ср. др.-чеш. *vzem hůbu, naplni osta / ju osta* 'взяв губку, пропитал (её) укусом'). Сложные предложения постепенно формировались на базе объединения простых с переосмыслением анафорических элементов в качестве союзных средств (например, ст.-слав. относительное местоимение **иже**, др.-чеш. *jenž* 'который', первоначально 'тот/он' с частицей, сигнализирувавшей смысловую второстепенность соответствующего фразового фрагмента).

6. Формирующиеся с конца I — начала II тысячелетия н. э. С.я., унаследовав в целом праславянскую языковую структуру, продолжали некоторые тенденции ее эволюции, обнаружившиеся или наметившиеся ранее, одновременно претерпевая также новые преобразования, определяемые в каждом отдельном языке своими специфическими закономерностями.

Фонологическая система С.я. развивалась в различных направлениях — от сохранения преобладавшего в праславянском вокалического строя при некотором обеднении, сравнительно с праславянским состоянием, консонантизма в сербохорватско-словенской языковой области до последовательной консонантизации в первую очередь в восточнославянской области (в истории других языков наблюдается неодинаковое соотношение этих двух тенденций).

В связи с этим различной оказалась судьба праславянской просодической системы. В сербохорватско-словенской области сохранилось свободное политоническое ударение, утраченное в других языках. В восточнославянской области и в болгарском языке его издавна сменило свободное силовое (динамическое) ударение, которое со временем привело к развитию в русском, белорусском и болгарском языках явления редуции безударных гласных. Этот же тип ударения с редуцией безударного вокализма выступал в полабско-поморской области (в кашубском регионе реликты свободного ударения удерживаются и до сих пор). Ударение в других западнославянских языках закрепилось за тем или иным слогом в слове или тактовой группе: изначально за первым, где оно сохраняется и поныне в чешском, словацком и серболужицком, а также в крайних польских говорах; в остальном в польском языке и в территориально смежных восточно-словацких и чешских (силезских) диалектах оно переместилось на предпоследний слог. Позже и независимо от этих западнославянских процессов произошла фиксация ударения на третьем от конца слоге в словах, содержащих более двух слогов, в македонском языке.

В сербохорватско-словенской области в тесной связи с характером ударения также удержались, а в западнославянских языках независимо от ударения продолжали развиваться количественные различия гласных. Из западнославянских языков эти различия до сих пор сохраняют чешский и словацкий, а в других западнославянских языках долгие гласные к XVI в. сократились, претерпевая при этом качественные преобразования.

Редуцированные гласные *ь и *ъ в слабой позиции — по базовому правилу, сформулированному (первоначально для древнечешского языка) А. Гавликом, в абсолютном конце слова, а в неконечном положении перед слогом с нередуцированным гласным или редуцированным в сильной позиции — исчезли в период с XI по начало XIII в. во всех С.я. В сильной позиции — прежде всего перед слогом со слабым редуцированным — они перешли в краткие гласные: в восточнославянской, македонской, а первоначально и в среднесловацкой и верхнелужицкой областях в *e* и *o* (рус. *день, сон*), в восточной части болгарского ареала в *e* и «средний», нелабиализованный *ь* (*сьн*), в польском и чешском языках в *e* (польск. *dzień*, чеш. *den*, в обоих языках *sen*), в словенском в «средний» краткий *ə*, при вторичном продлении слога переходивший в *a* (словен. *sen* [sən], но *dan* [dân]), а в сербохорватском через *ə* в *a* при любой длительности слога (с.-х. *sàn, dân*). Встречающиеся в отдельных славянских языках и диалектах отклонения от описанного состояния,

когда на месте слабых, по базовому правилу, редуцированных выступают рефлекс-сы сильных (а иногда и другие гласные), объясняются по-разному: выравниванием основы в парадигме, стремлением избежать недопустимого скопления согласных, особенно в начале слова, вообще неравномерно действующей по языкам инерцией старых принципов строения слога (ср. праслав. **mьgla* — рус. *мгла*, польск. *mgła*, но болг. *мъгла*, макед. *магла*, с.-х. *màgla*, словен. *megla* [mɛglà]). Н. С. Трубецкой считал утрату редуцированных последним процессом праславянской эпохи. Действительно, исчезновение **ь* и **ь*, завершив их ослабление, происходившее еще в праславянском языке, ознаменовало собой прекращение действия закона открытого слога, что предопределило многие важные преобразования, затронувшие различные звенья структуры С.я.

Завершением другого древнего процесса, который был обусловлен тенденцией восходящей звучности, т. е. монофтонгизации дифтонгических сочетаний **em/en*, **ьm/ьn* в **e*, **om/on*, **ьm/ьn* в **o* (по интерпретации Н. С. Трубецкого, **eⁿ*, **oⁿ* или **eN*, **oN*), явилась деназализация гласных, которые образовались по языкам из первоначальных носовых. Утрата ринезма (носового элемента) раньше, в Х в., наступила у пары не соотносительных по степени подъема гласных *ǫ*, *у* в восточнославянской, сербохорватской, чешско-словацкой и серболужицкой областях. Старейший памятник словенского языка — Фрейзингские отрывки, датированные X–XI вв., — отражает лишь начало этого процесса (ср. *tebe poronfo te telo* ‘тебе препоручу мое тело’ / *porufo uza moia zlouez* ‘препоручу все мои слова’, *nafu praudnu vuerun* ‘нашей праведной верой’). Фиксируемая в среднеболгарских рукописях XII–XIV вв. так называемая «мена юсов», т. е. букв **ж** и **л**, друг с другом и с буквами, обозначающими неносовые гласные, как и материал болгарских диалектов, свидетельствует о предшествовавшем утрате ринезма процессе совпадения носовых гласных переднего и непреднего ряда в большем или меньшем объеме позиций. Такой же процесс протекал в истории польского языка, где в XIII–XV вв. выступали долгий и краткий носовые гласные одного тембра (судя по графике памятников и по диалектным данным, широкие среднего ряда). Во второй половине XV в. в связи с утратой количественных различий в польском вокализме прежний краткий носовой изменился в передний гласный *e*, а прежний долгий — в непредний *o* (в литературной графике *o*).

Развитие тенденции слогового сингармонизма подготовило становление новой категории парной твердости/мягкости согласных в первую очередь в восточных и северо-западных С.я., а также в восточноболгарской области. Исторически возможности употребления мягких согласных в отдельных языках укрепляли наступавшие после них большей частью перед твердыми согласными переходы передних гласных в непредние (т. е. *'ä* > *'a* во всей этой группе, *'e* > *'o* в восточной и северо-западной областях и др.), и напротив, ограничивало происходившее перед гласными переднего ряда отвердение согласных (в украинской, восточноболгарской и полабской областях). Кроме того, ряд пар согласных, коррелирующих по твердости/мягкости, зачастую сужало непозиционное отвердение согласных (в белорусском *r'*, в украинском мягких губных, в серболужицком *s'*, *z'*), а с другой стороны — так называемая ассимиляция, т. е. приобретение мягкими согласными шипящего или свистящего призвука (в польском *r' > r.^{ž/š} > ž/š*, *s' > š' (š)*, *z' > ź' (ź)*, в польском и серболужицком *t' > ć' (ć)*, *d' > ź' (ź)*, откуда в нижнелу-

жицком \acute{s}' , \acute{z}' , а в кашубском и белорусском $t' > c$, $d' > \acute{z}$). В чешском и словацком языках тенденция к созданию категории твердости/мягкости согласных была перекрыта действием многоступенчатого процесса депалатализации. В итоге в разном для разных диалектов количестве позиций — большем в словацком языке и меньшем в чешском — здесь сохранились лишь отдельные мягкие согласные, коррелирующие с твердыми: n' , по диалектам l' , особенно в словацком, также l' против «среднего» l или твердого l с диалектным изменением в \acute{u} (либо «средний» l против твердого), t' и d' с диалектными изменениями $t' > c/\acute{c}$, $d' > \acute{z}/\acute{z}$, а в крайних говорах также s' , z' с изменениями в \acute{s} , \acute{z} и мягкие губные. В сербохорватско-словенской и аналогично в западноболгарской и македонской областях новая категория твердых/мягких согласных не сложилась, а из старых парных мягких согласных только n' , l' ($*nj$, $*lj$), в первую очередь в сербохорватской зоне, не подверглись отвердению.

В морфологии имени и глагола в С.я. в целом продолжалась преемственная эволюция позднеславянской системы:

— у существительных стабилизировалась грамматическая категория одушевленности/неодушевленности, получившая дальнейшее развитие в восточно- и западнославянских областях; в итоге в современных С.я. она имеет неодинаковый охват и разный набор показателей, а в польском и верхнелужицком сосуществует с категорией персональности, или мужского лица (в болгарском и македонском языках вообще только эта последняя сохраняет грамматическую релевантность);

— у прилагательных происходила дальнейшая стабилизация полных форм: в восточно- и западнославянских языках они вытесняли краткие формы, у качественных прилагательных первоначально из атрибутивной, а затем в большинстве языков практически полностью также из предикативной позиции (лишь в литературном русском, в меньшей степени в чешском и минимально в отдельных других языках данных двух групп еще сохраняется смысловая оппозиция полных и кратких форм качественных прилагательных в предикате, соответственно со значением признака/состояния); напротив, в южнославянских языках краткие формы качественных прилагательных не только обязательны в предикате, но возможны и в атрибутивной позиции, где семантически дифференцируются с полными (по традиции краткие и полные формы прилагательных в этих языках часто называют неопределенными и определенными, хотя регулярное противопоставление тех и других в атрибутивном сочетании как маркеров неопределенности/определенности референта существительного, видимо, имеет место только в болгарском и македонском, где определенные формы не просто продолжают старые местоименные на $*-ъjъ$ и т. д., но присоединяют артикль с показателем $-t-$, см. ниже);

— в большинстве С.я. было утрачено двойственное число, сохраняющееся на современном этапе у имен и глаголов только в словенском и серболужицком, а у личных местоимений также в северокашубских говорах; впрочем, в живой речи данная категория и в названных языковых областях реализуется не регулярно (при этом во всех С.я. существуют реликты старых форм и флексий двойственного числа в рамках парадигмы множественного числа);

— у глаголов завершалось оформление лексико-грамматической категории вида, с которой по-разному вступала во взаимодействие категория времени;

— перестраивалась система форм прошедшего времени: синтетические формы аориста и имперфекта сохранились только в болгаро-македонской, сербохорватской и серболужицкой областях, из которых в первой они по-прежнему находятся в семантической оппозиции к формам перфекта и плюсквамперфекта, а в двух последних это стилистически отмеченные формы нарратива, которые всегда могут быть заменены немаркированными перфектными (при этом дистрибуция аориста и имперфекта в македонской и серболужицкой областях оказалась связана с совершенным/несовершенным видом глагола); в истории других С.я. эти формы вытеснил перфект, который в западнославянской области (кроме серболужицкого языка) в 3-м лице, а в восточнославянской и в остальных формах утрачивал вспомогательный глагол 'быть' (в польской и кашубской области формы этого глагола в 1-м и 2-м лице становились агглютинированными показателями прошедшего времени, ср. польск. *(ja) robilem* и *jam robil* 'я делал');

— стабилизировались формы будущего времени с опорой на конструкции, содержащие разные для разных языков вспомогательные глаголы или восходящие к ним показатели: 1) 'быть' (в формах с давней основой **bǫd-* + инфинитив, ср. рус. *буду писать*) — этот тип выступает во всех восточно- и западнославянских языках, при этом в польском также с *l*-причастием (*będę pisać / pisal*), а на юге в словенском (только с *l*-причастием: *bom pisal*; аналогично образуются формы «условного будущего» в сербохорватском); 2) 'взять' (др.-рус. *ѣти* в значении 'начать') — укр. *писатиму*; 3) 'хотеть' — балканский тип: с.-х. *(ja) ću pisati / da pišem* или *pisaću (pisat ću)*, болг. *ще пиша*, макед. *ќе пишам* (подробнее см. ниже);

— по-разному в С.я. была ограничена система причастий; из кратких действительных причастий возникли деепричастия настоящего и во многих языках прошедшего времени; конструкции согласуемых или несогласуемых страдательных причастий, в последнем случае в форме им. п. ед. ч. ср. р., краткой или полной, с личными формами глагола 'иметь' в некоторых С.я. дали начало новым формам перфекта или результата (ср. макед. *имам дојдено* 'я пришел / пришла', чеш. *tám zapláceno* 'я заплатил/заплатила' или 'мне заплатили', другие западнославянские примеры см. ниже), а в польском и украинском на базе кратких форм им. п. ед. ч. ср. р. страдательных причастий возникли особые неопределенно-личные формы прошедшего времени, активные (польск. *rozmawiano* 'разговаривали', *cieszono się* 'радовались') или сохраняющие пассивный оттенок (укр. *автором дійдено висновку...* 'автор пришел к выводу...', букв. 'автором прийдено').

Специфические преобразования претерпели грамматические системы болгарского и македонского языков в силу распространения в них таких далеко идущих инноваций в общем контексте балканского языкового союза, как: сокращение парадигмы личных местоимений до трех падежных форм и отрицание падежей у существительных и прилагательных с переходом к выражению отношений имени предложными конструкциями и иными аналитическими средствами (включая так называемую местоименную репризу, маркирующую объект); становление постпозитивного определенного артикля, восходящего к указательному местоимению с корневым *-t-* (в македонском языке также *-v-* и *-n-*); в глаголе — образование форм будущего времени с помощью частицы, восходящей к форме 3-го л. ед. ч. глагола 'хотеть', вытеснение инфинитива аналитической конструкцией с частицей

да, грамматикализация так называемых пересказывательных форм и др. Рассматривая эти черты по отдельности, нетрудно заметить, что почти все болгаро-македонские балканизмы возникали на славянской почве (и в любом случае оформлялись с использованием арсенала собственных средств), в связи с чем они нередко находят параллели в небалканских славянских языках. В частности, зарождение постпозитивного определенного артикля позволяют проследить уже старославянские тексты (*падъ же оубо работъ. кланѣше сѧ емоу* ‘раб же (тот), упав, кланялся ему’), однако подобное явление известно и за пределами балканского ареала, в севернорусских говорах (*дом-от, избу-ту*); один из первоисточков последующего неразличения падежных форм можно видеть в конструкциях с «именительным падежом объекта» при инфинитиве, отмечаемых как в старославянском (*оуготоваемъ ти ѣсти пасха* ‘приготовим тебе вкушать пасху’), так и в древне-новгородских грамотах (*въ волости твоен толико вода пити* ‘в твоём владении (осталось) только воду пить’) и т. д. Ввиду этого необходимо подчеркнуть, что балканский языковой союз формирует в комплексе лишь весь спектр указанных черт, неравномерно проявляющихся в языках данного региона, славянских и неславянских (новогреческом, румынском, албанском), при максимальном их сосредоточении в центральной балканской зоне с продолжением некоторых явлений в модифицированном виде в периферийных областях, иногда территориально далеких от Балкан. Например, характерные для болгарского и македонского языков формы будущего времени с неизменяемым компонентом, возникшим из формы 3-го л. ед. ч. глагола ‘хотеть’, при личных формах смыслового глагола (ст.-слав. *хощетъ гавити сѧ* ‘явится’ — болг. *ще се явя, явиш, яви*, макед. *ќе се јавим, јавиш, јави* ‘явлюсь’, ‘явишься’, ‘явится’) дают начало изоглоссе, которая находит продолжение в с.-х. формах будущего времени со спрягаемым глаголом ‘хотеть’, допускающих как инфинитив, который исчез в болгаро-македонской области, так и балканскую конструкцию с компонентом *да*, в болгаро-македонской области в данном случае не употребляемую (*ѡи, ѡеѡ, ѡе се јавити / да се јавим, јавиѡ, јави*). Формы того же типа со спрягаемым глаголом ‘хотеть’ при инфинитиве, далее, обнаруживаются в резьянском диалекте словенского языка в Италии, а совершенно независимо от данной изоглоссы также в полабском, где выбор в пользу модели с глаголом ‘хотеть’ (и второй используемой здесь, с глаголом ‘иметь’), был, несомненно, обусловлен длительным существованием этого языка в нижненемецком диалектном окружении (ср. футурум пассива *tâi cis lâ vibâsenē boit* ‘ты будешь повешен’ — немецкий перевод автора записи: *du willst nur aufgehenkt seyn*).

Еще бóльшая открытость в различных направлениях характеризует признаки центральноевропейского языкового союза, в котором так или иначе участвуют все западнославянские языки и юго-западный словенский, а из исторически контактировавших с ними неславянских — венгерский и немецкий. Ареальный подход требует пересмотреть старое представление об одностороннем воздействии немецкого на указанные славянские языки, в результате которого в них развились такие черты, как употребление препозитивного указательного местоимения с корнем *t-* в функциях, сходных с функциями немецкого определенного артикля (в некоторых контекстах приближающееся к обязательности, ср. чеш. *Vstupenky, i ty nejdražší, jdou dobře na odbyt*, польск. *Bilety, nawet te najdroższe, idą dobrze*,

словен. *Vstopnice, celo te najdražje, gredo dobro v prodajo* ~ нем. *Die Eintrittskarten, selbst die teuersten, gehen gut weg* 'Билеты, даже самые дорогие, хорошо расходятся'), распространение в первоначально инфинитивных конструкциях отглагольных существительных, образуемых суффиксами *-n-/-t-*, в том числе с предлогами, и вообще смешение таких существительных с инфинитивом, напоминающее их омонимию в немецком (чеш. *něco k pití*, польск. *coś do picia*, словац. *niečo na pitie*, словен. разг. *nekaj za pit(i)*) ~ нем. *etwas zu trinken*, диал. *zum Trinken* 'что-нибудь попить'), становление сопоставимых с перфектом в немецком языке форм результата (типа чеш. *mám zameteno*, польск. *mam zamiecione*, словен. *imam pometeno* 'я подмёл / подмела' или 'у меня подметено' ~ нем. *ich habe ausgekehrt* 'я подмёл / подмела') и др. Характер большинства этих особенностей позволяет заключить, что они могли иметь и славянский источник, а в центральноевропейских славянских языках закреплялись лишь при поддержке немецкого, причем в ареалах максимально интенсивных контактов с ним — в наиболее германизованном виде (ср. регулярный определенный артикль с корнем *t-* в серболужицких диалектах или кашубский перфект *jô móm ju wiele widzóné* 'я уже многое видел', *on je wějehóny* 'он уехал' ~ нем. *ich habe gesehen, er ist ausgefahren*). В остальном названные и другие контактные черты в славянских языках центральноевропейского региона проявляются по сравнению с немецким достаточно специфично и неодинаково в отдельных языковых зонах. В свою очередь немецкий и венгерский языки, возможно, обязаны указанному ареальному контакту развитием, в частности, форм будущего времени, образуемых при помощи вспомогательного глагола со значением становления (совр. нем. *werden*, венг. *fogni*), которое первоначально было присуще и славянским глагольным формам с основой **bǫd-* (ср. др.-чеш. *Tenž juž taký hi tak mocný <...> Babyló, tvým králem bude* 'И вот уже такой могущественный становится, Вавилон, твоим царем').

Лексика С.я. в основном общеиндоевропейского происхождения. Многие ее элементы, не находящие точных соответствий в других индоевропейских языках, связаны с балто-славянской общностью (праслав. **(j)ezero* 'озеро', **ledь* 'лёд', **lipa* 'липа', **lōka* 'луг', **męk-* 'мягкий', **vesti, vedō* 'вести, веду' ~ литов. *ėžeras, lėdas, liepa, lankà, minkštas, vėsti, vedù* и др.). Ряд древних заимствований обязан контактам праславянского с иранскими, кельтскими, германскими и другими индоевропейскими диалектами.

В ходе истории отдельных С.я. их лексика расширялась и обогащалась прежде всего за счет собственных ресурсов путем суффиксального словообразования для имен и префиксального наряду с суффиксальным для глаголов и наречий. Источниками лексических заимствований являлись: германские языки (в том числе на позднем этапе в наибольшей степени немецкий, особенно для западнославянских языков); тюркские и другие восточные языки (главным образом для южно- и восточнославянских языков); финно-угорские языки для восточнославянских языков; новогреческий, албанский, румынский и другие для языков балканского ареала; румынский и венгерский для языков карпатского ареала и смежных с ним; древнегреческий — не только для *Pax Slavia Orthodoxa*, латынь — не только для *Pax Slavia Latina*, французский — для некоторых славянских языков в XIX в. (русский, польский), английский — для всех С.я. в наши дни.

ЛИТЕРАТУРА

- Бернштейн С. Б.* Сравнительная грамматика славянских языков. М., 2005 [1-е изд.: Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961].
- Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Бернштейн С. Б.* Славянские языки // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; 2-е изд. 2002.
- Бирнбаум Х.* Праславянский язык: достижения и проблемы в его реконструкции. М., 1987.
- Бошкович Р.* Основы сравнительной грамматики славянских языков. Фонетика и словообразование. М., 1984.
- Вступ до порівняльно-історичного вивчення слов'янських мов / За ред. О. С. Мельничука. Київ, 1966.
- Гамкрелдзе Т. В., Иванов Вяч. Вс.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тбилиси, 1984. Т. 1–2.
- Гаспаров Б. М., Сигалов П. С.* Сравнительная грамматика славянских языков. В 2 т. Тарту, 1974.
- Дыбо В. А.* Славянская акцентология. М., 1981.
- Дыбо В. А.* Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. Т. I. М., 2000.
- Дыбо В. А., Замятина Г. И., Николаев С. Л.* Основы славянской акцентологии. М., 1990.
- Журавлев А. Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. М., 1994.
- Журавлев В. К.* Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Минск, 1963.
- Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.
- Запольская Н. Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М., 2003.
- Ильинский Г. А.* Праславянская грамматика. Нежин, 1916.
- Исаченко А.* Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. Вып. III. М., 1963 [нем. оригинал: *Isačenko A.* Versuch einer Typologie der slavischen Sprachen // *Linguistica Slovaca*, 1939–1940, zv. I–II].
- Историческая типология славянских языков: фонетика, словообразование, лексика и фразеология / Под ред. А. С. Мельничука. Киев, 1986.
- Кузнецов П. С.* Очерки по морфологии праславянского языка. М., 1961.
- Мейе А.* Общеславянский язык. 2-е изд. М., 2000 [1-е изд. М., 1951; франц. оригинал: *Meillet A.* Le Slave Commun. 2d éd. Paris, 1934].
- Нахтигал Р.* Славянские языки. М., 1963 [словен. оригинал: *Nahtigal R.* Slovanski jeziki. Ljubljana, 1938; 2-е изд. 1952].
- Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков / Отв. ред. С. Б. Бернштейн. М., 1978.
- Нещименко Г. П.* Языковая ситуация в славянских странах: Опыт описания. Анализ концепций. М., 2003.
- Нидерле Л.* Славянские древности. М., 1956.
- Николаева Т. М.* Фразовая интонация славянских языков. М., 1977.
- Основы балканского языкознания. Языки балканского региона. Ч. 2: Славянские языки / Под ред. А. В. Десницкой, Н. И. Толстого. СПб., 1998.
- Селищев А. М.* Славянское языкознание. Т. I: Западнославянские языки. М., 1941.
- Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение / Отв. ред. Т. В. Попова. М., 1987.
- Славянские языки: Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков / Под ред. А. Г. Широковой и В. П. Гудкова. М., 1977.
- Супрун А. Е.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1989.
- Супрун А. Е.* Праславянский язык. Минск, 1993.
- Толстой Н. И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988.
- Толстой Н. И.* Избранные труды. М., 1997–1999. Т. 1. Славянская лексикология и семасиология, 1997; Т. 2. Славянская литературно-языковая ситуация, 1998; Т. 3. Очерки по славянскому языкознанию, 1999.
- Трубачев О. Н.* Этногенез и культура древнейших славян. Лингвистические исследования. 2-е изд. М., 2003.

- Трубецкой* Н. С. Избранные труды по филологии. М., 1987.
- Цыхун* Г. А. Типологические проблемы балканославянского языкового ареала. Минск, 1981.
- Чарский* В. В. Русинский язык Сербии и Хорватии в свете языковых контактов. Лингвогенетический аспект. Щелково, 2011.
- A Handbook of Slavic Clitics / Ed. by S. Franks, T.H. King. Oxford, 2000.
- Arumaa* P. Urslavische Grammatik. Einführung in das vergleichende Studium der slavischen Sprachen. Heidelberg, 1964, 1976, 1985, Bd. I–III.
- Běličová* H., *Sedláček* J. Slovanské souvětí. Praha, 1990.
- Běličová* H., *Uhlířová* L. Slovanská věta. Praha, 1996.
- de Bray* R. G. A. Guide to the Slavonic Languages. Vols. I–III. 3rd ed. Columbus (Ohio), 1980.
- Carlton* T.R. Introduction to the phonological history of the Slavic languages. Columbus (Ohio), 1991.
- Einführung in die slavischen Sprachen. 3. Auflage / Hrsg. Peter Rehder. Stuttgart, 1998.
- Fici Giusti* F. Le lingue slave moderne. Padova, 2001.
- Franks* S. Parameters of Slavic Morphosyntax. Oxford, 1995.
- Garde* P. Histoire de l'accentuation slave. T. 1–2. Paris, 1976.
- Golqb* Z. The origins of the Slavs. Columbus (Ohio), 1992.
- Horálek* K. Úvod do studia slovanských jazyků. Praha, 1955.
- Lamprecht* A. Praslovanština. Brno, 1987.
- Mareš* F.V. Diachronische Phonologie des Ur- und Frühslavischen. München, 1969.
- Miklosich* F. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. I–IV. Wien, 1852–1874.
- Moszyński* K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław; Kraków, 1957.
- Popowska-Taborska* H. Wczesne dzieje słowian w świetle ich języka. Warszawa, 2014.
- Shevelov* G. Y. A prehistory of Slavic. The historical Phonology of Common Slavic. Heidelberg, 1964.
- Stang* Chr. Slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942.
- Stang* Chr. Slavonic accentuation. Oslo, 1957.
- Stieber* Z. Zarys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Warszawa, 1969. T. I; 1973. T. II.
- The Slavonic languages / Eds. B. Comrie, G. G. Corbett. London; New York, 1993.
- Vaillant* A. Grammaire comparée des langues slaves. Vol. I–V. Paris, 1950–1974.
- Vondrák* W. Vergleichende slavische Grammatik. Bd. I–II. Wien, 1906–1908.

С л о в а р и

Этимологический словарь славянских языков. Пра斯拉вянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева (1974–2005), А. Ф. Журавлева (с 2005). М., 1974–2014. Вып. 1–39 [продолжающееся издание].

Kopečný F. a kol. Etymologický slovník slovanských jazyků. Praha, 1973. Sv. 1; 1980. Sv. II.

Sadnik L., *Aitzetmüller* R. Vergleichendes Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wiesbaden, 1963–1973. Lief. 1–6.

Słownik prasłowiański / Red. F. Sławski. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1974–2001. T. 1–8 [продолжающееся издание].

ЮЖНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ

А. Е. Супрун, А. М. Молдован

СТАРΟΣЛАВЯНСКИЙ И ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКИЙ ЯЗЫК

1.1.0. Общие сведения.

Старославянский язык (С.я.) — язык первых славянских письменных памятников: переводов частей Библии и некоторых церковных канонических текстов, а также оригинальных сочинений, принадлежащих славянским первоучителям Константину Философу (Кириллу, 827–869), его брату Мефодию (815–885) и их ученикам и последователям (середина IX — XI в.). В дальнейшем С.я., частично видоизменяясь, использовался в большинстве славянских стран и некоторых неславянских странах (Молдавия, Валахия) в качестве стандартного языка христианской вероучительной и богослужебной, отчасти светской письменности, получившего в науке название «церковнославянский язык» (Ц.я.).

1.1.1. Варианты названия: древнецерковнославянский, староцерковнославянский (в русской до 1917 г., польской, английской, отчасти немецкой научной традиции), древне- или староболгарский (в болгарской, отчасти немецкой науке); термин «старославянский» принят в русской, украинской, белорусской, чешской, словацкой, сербской, хорватской, македонской, словенской, французской, отчасти немецкой и американской лингвистике; англ. *Old Church Slavonic*, нем. *Alt-kirchenslavisch*, реже *altbulgarisch*, фр. *le vieux slave*, итал. *paleoslavo*, лат. *palaeoslavica*, *slavica antiqua*. В текстах на С.я. он именуется **ѠЗЪКЪ СЛОВѢНСКЪ** 'славянский язык'.

Термин Ц.я., впервые появившийся в «Рассуждении о славянском языке» А. Х. Востокова (1820), указывает преимущественно церковную сферу его использования; в славистической литературе этому термину соответствуют англ. *Church Slavonic* (*Church Slavic*), нем. *Kirchenslavisch*, фр. *slave ecclésiastique*, итал. *slavo ecclesiastico*. Реже используется термин «древнеславянский язык» (Н. И. Толстой, Ф. Мареш, Н. А. Мещерский, М. М. Копыленко и др.), который подчеркивает общий для южных и восточных славян характер Ц.я. и возможность его внецерковного функционирования. В филологических текстах древних славянских книжников и филологов нового времени Ц.я. назывался «словенский», «славенский», «славянщина». В русской филологической литературе до сих пор используется термин «славянизмы» в значении «церковнославянизмы». Поскольку Ц.я. развивался из старославянского и нет принципиальных различий между тем языком, который создали Кирилл и Мефодий, и тем, каким он становился в дальнейшем, в понятие Ц.я. нередко включается и С.я., рассматриваемый как его начальная ступень, тем более что доступные науке письменные памятники, на которых строится описание С.я. (X–XI вв.), отстоят от своих оригиналов на полтора-два столетия, так что, строго говоря, находятся уже за пределами собственно старославянской эпохи — эпохи первых славянских переводов. С другой

стороны, сами по себе эти памятники лингвистически амбивалентны: они в основном сохраняют древнюю старославянскую лексику, синтаксис и грамматику старославянского языка IX в., но одновременно отражают орфографические нормы и фонетические особенности того Ц.я. X или XI вв., которым пользовался переписчик древнего текста. Ц.я., употребляемый с конца XIX в., получил название «новоцерковнославянский», или «поздний Ц.я.». Ниже он также называется современным Ц.я.

1.1.2. С.я. принадлежит к южной группе, а внутри нее — к юго-восточной (болгаро-македонской) подгруппе славянских языков.

1.1.3. Созданный уроженцами Солуни (совр. Салоники, Греция) братьями Константином и Мефодием, С.я. использовался сначала в Моравии, куда солунские братья были направлены с церковной миссией (863), и Паннонии, куда Мефодий был назначен епископом (870). В этот период С.я. бытовал в среде западных славян и западной части южных славян — у моравян, чехов, словаков, отчасти поляков, паннонских и альпийских славян. После смерти Мефодия (885) его ученики и последователи в течение следующего столетия распространяли С.я. у хорватов, македонцев, болгар и сербов. У восточных славян Ц.я. получил распространение с официальным принятием Русью христианства (988). За пределами славянских земель Ц.я. функционировал в качестве языка православной церкви в Валахии и Молдавии.

В наше время Ц.я. используется следующими поместными церквями: Русской православной церковью (в России, Белоруссии, на Украине, в Казахстане и других государствах бывшего СССР), Сербской (наряду с сербским языком, в Сербии и Черногории), Болгарской (наряду с болгарским), Македонской (наряду с македонским), Польской (наряду с основным польским), Чешских земель и Словакии (наряду с чешским и словацким языками), Американской (наряду с основным английским), Вселенским Патриархатом (в епархиях русской и украинской традиций), а также некоторыми церквями неопределенного статуса: Русской зарубежной православной церковью (РПЦЗ), Украинской православной церковью Киевского патриархата и Украинской автокефальной православной церковью (в последних двух служат на украинском языке или украинском варианте Ц.я.) и разнообразными группами староверов. В некоторых других странах он использовался и используется как язык богослужения в славянских православных монастырях и церквях. Что касается владения Ц.я., то здесь следует учесть прежде всего тот факт, что он используется для порождения новых текстов только в специальных случаях (создание новых служб, акафистов) и только в письменной форме. Поэтому обычно владение Ц.я. сводится к умению читать и понимать тексты и пониманию на слух церковных служб.

1.2.0. Лингвогеографические сведения.

1.2.1. Дошедшие до нас памятники С.я. X–XI вв. (см. 1.3.2.) отражают диалектные особенности речи переводчиков и переписчиков. Моравские черты отразились в Киевских листках и Пражских глаголических отрывках, восточноболгарские особенности — в Саввиной книге, Супрасльской рукописи, Енинском апостоле, черты западной болгаро-македонской диалектной области — в Ассеманиевом, Зографском евангелиях, в Синайской псалтыри и Синайском требнике, на эти черты наслоились в Марииинском Евангелии и Сборнике Клоца особен-